

УДК 140.8;130.2

М. А. Семикин, к. филос. н.

ОТ КУЛЬТУРЫ СМЫСЛА К СМЫСЛУ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. *Смысловая сфера является своеобразным сиамским близнецом культуры: с одной стороны, она немыслима вне культуры, с другой стороны, сама составляет содержательный фундамент, первый и последний интерпретационный рубеж каждого культурного феномена. И хотя такая тесная, генетическая зависимость культуры и смысла не подлежит сомнению, продолжает оставаться открытым вопрос о смысловых параметрах культуры и о культурном своеобразии смысла.*

Ключевые слова: *культура, смысл, иерархия ценностей, мировоззрение, философская рефлексия, индивидуальное и общественное сознание.*

М. О. Семикин, к. філос. н.

ВІД КУЛЬТУРИ СМISЛУ ДО СМISЛУ КУЛЬТУРИ

Анотация. *Смысловая сфера является своеобразным сиамским близнецом культуры: с одного боку, її не можна уявити поза культурою, а з іншого – вона сама утворює змістовий фундамент, першу і останню інтерпретаційну межу будь-якого культурного феномену. І хоча, така невід’ємна, генетична залежність культури і смислу не піддається сумніву, залишається відкритим питання про смислові параметри культури і про культурну своєрідність смислу.*

Ключові слова: *культура, смисл, ієрархія цінностей, світогляд, філософська рефлексія, індивідуальна і суспільна свідомість.*

M. A. Semikin, Candidate of Philosophy Sciences

FROM CULTURE OF SENSE TO THE SENSE OF CULTURE

Abstract. *The semantic sphere is a kind of Siamese twin of culture: on the one hand, it is inconceivable outside of culture and on the other hand, the semantic sphere creates a substantive foundation, the first and last interpretative boundary for each cultural phenomenon. Although such close genetic interdependency between culture and sense is not subject to doubt, the questions about the meaningful parameters of culture and about cultural uniqueness of sense remain open.*

Semantic field is the foundation for any direction of philosophical knowledge. Culture is also impossible beyond a certain semantic hierarchy of priorities. It is therefore natural that the philosophical approach to culture depends largely on the specific meaning of the concepts, semantic foundations of human existence and society as well.

At the level of collective consciousness the expediency for the meaningful demarcation between culture and civilization, as a rule, is not visible. The theoretical and

especially philosophical levels of consciousness both allow such expediency and also frequently insist on such necessity. The conceptual intrigue is what kind of conceptual markers are necessary for enclosing in a conceptual framework of the meaningful demarcation.

Multidimensional nature of culture is a direct consequence of the diversity of factors that are in the foundation of its origin, historical genesis and its modern application. Among these factors, one can identify a complex symbiosis of rationality and irrationality, myth and religion, ethics and aesthetics. Each of these aspects has contributed to the emergence of modern culture format.

The stereotypes of mass consciousness about science a priori have at least one significant flaw – the lack of critical assessments of the current status quo. The philosophical reflection is intended to neutralize this disadvantage. Finally, a critical, balanced and integrated approach to science is very important for the science itself because it can help to adequately assess the risks and threats and also provide «the work on mistakes» with convincing evidence.

Keywords: *culture, sense, the hierarchy of values, worldview, philosophical reflection, individual and public consciousness.*

Актуальность темы исследования. В рамках одной культурной ойкумены люди говорят на одном языке, придают значение одним и тем же ценностям, придерживаются одних и тех же норм и верований, пользуются всем понятными символами. По этой причине культура является не просто общим признаком этих людей, а объединяющим их фактором. В определенной мере она создает саму социальную общность. Сама же культура превращается в более или менее гомогенную систему взаимосогласованных элементов, основными среди которых являются ценности и нормы.

Показательным примером может служить западноевропейская цивилизация. Социологи отмечают, что многие из свойств, особенностей и характеристик, отличающих европейскую культуру, ментальность и мировосприятие, были заложены именно в классическом античном полисе, который на генотипном уровне в значительной мере предопределил становление европейского феномена. К «генотипу» европейской цивилизации обычно относят разделение институтов власти и гражданского общества при автономии личности; баланс этих трех сил; установку на состязательность; автономию городской коммуны и т. п.

В то же время древнегреческая культура сознательно предпочитала технику совершенствования человеческого тела и управления общественными делами технике производства вещей. Ограничения, наложенные на технический прогресс древними греками, были связаны с культурой, которая, в свою очередь, поддерживала целостность, органическое единство общества. Очевидно, древние на своем социальном опыте убедились, что политика, культурное и нравственное творчество, все эти диспуты, игры, состязания и т.п. поддерживают сплоченность и жизнеспособность общества. А вот применение более совершенных орудий труда, технических изобретений вызывало рост богатства, которое распределялось крайне неравномерно между соплеменниками, что, в ко-

нечном счете, приводило к поляризации отдельных групп и слоев, а в итоге - и к разрушению социального единства.

Культура, организуя общественную жизнь, поддерживает целостность и стабильность общества. Это отчетливо обнаруживается в ее воздействии на поведение людей. Собственно, содержание культуры в основном складывается из многочисленных образцов, стереотипов, моделей поведения людей [6, с. 175].

Постановка проблемы. Рассматривая культуру как ценностно-нормативную систему, надо отметить такое ее исключительное свойство, как способность организовывать и упорядочивать общественную жизнь, придавая ей стабильность. Смысл культуры в том и состоит, что она отсекает желательное от нежелательного, нужное от ненужного, приемлемое от неприемлемого, тем самым, организуя общество определенным образом.

Анализ последних исследований и публикаций. К. Гирц называет культурой «систему регулирующих механизмов, включающую планы, рецепты, правила, инструкции, которые служат для управления поведением». Английские социологи Уайт, Гарднер и Шепфлин определяют культуру как «установочную и поведенческую матрицу», как способ поведения социальной группы и природу ценностей ее членов. Дивайн пишет, что культура – историческая система распространённых фундаментальных поведенческих ценностей Короче, культура – в бихевиористской, разумеется, интерпретации – есть определенный поведенческий код, присущий социальной общности. В чем же он заключается?

Во-первых, в рамках культуры создан целый спектр (или арсенал) возможных моделей и образцов поведения. Поэтому индивиду нет нужды всякий раз изобретать «заново» те или иные способы действий, удовлетворения своих потребностей, достижения целей, достаточно «разучить» их в ходе социализации. Совокупность таких поведенческих образцов образует «скелет» социальных ролей, стили поведения, часто закрепляется в виде обычаев, обрядов и ритуалов.

Во-вторых, этот «арсенал», разумеется, не безграничен. Детерминирующая роль культуры по отношению к человеческому поведению заключается в том, что она предписывает людям определенные стандарты поведения. Другими словами, она определяет где, когда и каким образом человек должен (или может) удовлетворять свои потребности. Например, как бы человеку не хотелось есть, рвать сырое мясо руками или же «обедать» во время лекции, театрального представления не полагается. И редкий «цивилизованный» человек нарушит эти запреты.

В-третьих, культура не только «облагораживает» потребности и интересы, предоставляя целый набор общепринятых способов удовлетворения и достижения их. Она сама создает, инициирует потребности и интересы, ориентируя людей на ценности и идеалы, эталоны и стандарты. Здесь можно вспомнить эстетические и этические потребности и интересы, способы их удовлетворения. Или, например, национально-освободительное движение, борьба за независимость страны порождается, конечно же, не только интересами или трезвым расчетом формирующейся национальной элиты. Мощным стимулом для миллионов людей является убеждение в неоспоримой ценности независимости

государства и свободы, сопряженных с национальным достоинством, в благородстве целей и средств, основанных на этих ценностях.

Согласно расхожему мнению, культура – это в первую очередь и главным образом сфера смыслов. К сожалению, платой за красоту этого тезиса является множество подводных рифов. В частности, Герман Хакен заметил: «Классическая интерпретация процесса познания подразумевает, что смысл в той или иной форме изначально присутствует – либо в мире платоновских идей, либо в априорных механизмах разума, либо он вписан в конфигурацию устройства природы и т.п. При этом сам источник смыслов также может быть представлен в виде некоего «центра» (природы, Бога, трансцендентального «Я» и т. п.), с которым по мере возможности устанавливается устойчивая связь. Однако нарисованная картина справедлива с точки зрения стабильного статичного бытия. Если же встать на точку зрения бытия становящегося, то следует, очевидно, признать, что у мироздания нет изначальных смыслов, и принять процесс смыслопорождения» [7, с. 50].

Этот аргументационно убедительный тезис может иметь следующее логическое продолжение: «Признание того, что нет изначальных смыслов, как и принятие положения о смыслопорождении, не выводят понятие «смысла» на объективный уровень. Последний связан с материальной или идеальной основой, которая отвечает на вопрос о сущности, а не о смысле. Смысл выражает субъективное представление о сущности объективного процесса, является продуктом сознания, имеющего основой объективное идеальное. Процесс смыслопорождения при этом не только неотделим от субъекта, но и вносит новое качество в понимание объекта» [2, с. 75].

Выделение неисследованных ранее частей общей проблемы. В общем и целом необходимость смысла возникает там, где существует необходимость понимания, предполагающего осмысление. Но осмысление необходимо не только в случае восприятия текста, но и действительности: материальной, ментальной, социальной и других ее форм. Именно поэтому категория смысла характеризуется таким широким диапазоном сфер приложения. В связи с этим вполне естественно, что смысл – это интердисциплинарное явление. Он интересует, помимо лингвистики, и логику, и философию, и психологию. Несмотря на то, что в центре пересечения интересов этих дисциплин находится язык с его отнесенностью к мышлению, с одной стороны, и к действительности – с другой, каждая из этих дисциплин усматривает в данной проблеме все же свой интерес. В результате, как уже отмечалось, представление о смысле характеризуется таким большим многообразием и неоднозначностью, что складывается впечатление, как будто речь идет о каких-то разных явлениях, но почему-то называемых одним именем.

Постановка задания. Тем не менее есть основание считать, что во всех случаях, где рассматривается смысл, речь идет все же об одном и том же явлении. Задача заключается в том, чтобы найти то глубинное, наиболее общее основание, которое позволило бы интегрировать различные расплывчатые характеристики смысла в более четкое и определенное понятие.

Изложение основного материала. Как аргументированно утверждал В. Франкл, «человек стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию или вакуум, если это стремление остается нереализованным» [6, с. 11]. Поэтому «человек ищет смысл, который служит ему и целью, и стимулом, и средством. Нахождение смысла во многом определяется той задачей, которую человек вынужден решать в тех или иных жизненных обстоятельствах. Появление в сознании доминанты, возможно подобно нахождению «функционального решения» в процессе переструктурирования проблемной ситуации, о котором писали представители гештальт-психологии. Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство. Нахождение таких доминант, возможно, и есть переход на смысловой код, который непосредственно не наблюдаем, но осознается как таковой всеми» [5].

Смысл является производным от процесса понимания, в котором он возникает как некоторая субстанция. Он «может быть выражен самыми различными средствами, находящимися в распоряжении человека. Смысл также может быть успешно передан различными невербальными средствами искусства. Смысл следует понимать как наличие связей между понятиями, которые, в свою очередь, являются связями, существующими между предметами в реальном мире. Поэтому смысл рассматривается здесь как явление, существующее в реальной действительности, отражаемой нашим сознанием» [5]. А поскольку «значение – это конвенциональная данность, то его можно *устанавливать* и затем *знать*, в то время как смысл нечто изменчивое, нерегламентированное, вследствие чего его приходится *искать, улавливать, разгадывать, подбирать* ключи к раскрытию и т.п. Здесь противопоставление смысла значению осуществляется как противопоставление конкретно ситуативного (прагматического) содержания сообщения его абстрактному языковому содержанию» [5].

Сложно не согласиться с утверждением А. Новикова: «Смысл относится к тем загадочным явлениям, которые считаются как бы общеизвестными, поскольку постоянно фигурируют как в научном, так и обыденном общении. На самом деле он не только не имеет сколько-нибудь строгого общепринятого определения, но и на описательном уровне существует большой разброс суждений о том, что это такое. Иногда допускается, что смысл принадлежит к тем наиболее общим категориям, которые не подлежат определению и должны восприниматься как некоторая данность. Смысл характеризуется нечеткостью, вариативностью, изменчивостью, субъективностью, вследствие чего он практически не формализуем и, что самое главное, он плохо поддается непосредственному наблюдению» [5].

М. Б. Крилман выразительно охарактеризовал данную ситуацию: «Смысл подобно загадочной Золушке, остается по-прежнему нераспознанным и неуловимым. Возможно, что одна из трудностей здесь кроется в том, что разные поклонники этой Золушки представляют ее каждый по своему и ее многоликость увлекает их на поиски ее различных проявлений... Одни сосредоточивали свое внимание на ее интеллектуальных качествах, другие же воображали ее чувствительной и эмоциональной. Были и такие, кто, смирившись с окутывающей

ее тайной, заранее согласилась, что она по сути своей недоступна и непонятна» [1, с. 43].

В 1965 г. была опубликована статья В. Лефевра, посвященная самоорганизующимся и само рефлексивным системам [4]. В ней рассматривается возникновение индивидуального сознания и самосознания. К слову, «в философской традиции рефлексия понималась как способность анализировать собственные мысли. Лефевр существенно расширил это понимание: еще в 60-е годы прошлого столетия он ввел понятия рефлексивной системы и рефлексивного управления, существенно изменившие парадигму исследования сложных социально-культурных объектов. Лефевр показал, что теория, описывающая такие объекты, являясь их внутренней компонентой, способна разрушить собственную истинность. Поэтому изучение рефлексивных систем требует пересмотра традиционных отношений между исследователем и объектом исследования. Рефлексивные процессы включены во все механизмы регуляции функционирования рефлексивных систем. Рефлексией могут обладать любые типы субъектов: индивид, группа, организация, государство, человечество и т. п. При таком понимании рефлексии ею потенциально могут обладать системы любого происхождения, в том числе и системы искусственного интеллекта» [3, с. 60].

Как резонно заметил Г. Щедровицкий, «представления, накопленные в предшествующем развитии философии, связывают рефлексю, во-первых, с процессами производства новых смыслов, во-вторых, с процессами объективации смыслов в виде знаний, предметов и объектов деятельности, в-третьих, со специфическим функционированием а) знаний, б) предметов и в) объектов в практической деятельности» [8].

Существенный вклад в исследование проблемы смысла внесла аналитическая философия, берущая начало от Б. Рассела и Витгенштейна. Она поставила задачу логического анализа языка. Заслуга такого подхода заключалась в четком различении обозначаемых предметов (денотатов), их имени и смысла, как способа обозначения этих предметов. Как известно, различие смысла и значения восходит к одному из представителей данного направления Г. Фреге.

Философия в ее феноменологическом варианте подошла к проблеме смысла с другой стороны: во главу угла была поставлена личность, осмысливающая мир, понимающая и делающая свой смысловой выбор. Однако, достаточно конкретного определения смысла здесь не было сформулировано. Г. Чупина, анализируя взгляды Г. Гуссерля, приходит к выводу, что для него смысл – это актуальная ценность, значимость предмета для субъекта. Отсюда следует, что смыслы функциональны: предмет, поступок, действие, высказывание приобретают смысл в рамках целого – жизненной ситуации и шире – жизнедеятельности человека, если это оказывается значимым для ее самосохранения, развития.

В. Юлов изложил этот аспект несколько иначе: «Для Э. Гуссерля смысл как бы вмонтирован в саму собой разумеющуюся стратегию познания, или установку познающего сознания. Смысл здесь предзадан и сам по себе не тематизируется и не проблематизируется. Такая позиция не устраивала Г. Шпета: в его понимании смысл находится в становлении и как таковой производится людьми

как социальными субъектами. Эту динамику смысла способен обеспечить только герменевтический разум, демонстрирующий три этапа углубления или производства смысла. На первом этапе предмет дается эмпирической интуицией в виде чувственного знака. Затем последний облекается в форму слова, становящегося предметом интеллектуальной интуиции, которая в акте понимания открывает значение понятия. В нем нет «статики», ибо элементы языка сопрягают слово в разные системы (предложение, речь, текст и тому подобное), что дает эффект «углубляющегося понимания» – «понятие понимаемое живет и движется как живой орган». И, наконец, в дело вступает интеллигибельная интуиция, достигающая уразумения смысла в виде эйдетического содержания сущности. Переходы от чувственного знака к значащему понятию и к эйдетическому смыслу нельзя считать «умозаключениями», это последовательные этапы расшифровки смысла в форме герменевтической процедуры» [9].

Выводы. Ценность лежит в основе определения смысла. Существует несколько составляющих смысла. Одной из таких составляющих является предметная объективация человеческого опыта в виде знания о данном предмете. Но она образует лишь наиболее общую составляющую смысла, интерсубъектную по своему источнику, имеющую общечеловеческую ценность. Помимо этого смысл содержит и такие компоненты, которые выражают жизненные установки ее носителей, их особые отношения к предметному миру. Эти две составляющие смысла лежат в основе межиндивидуального общения, а потому откладываются в их сознании и фиксируются как устойчивые, повторяющиеся компоненты, постоянно воспроизводимые в речи. Кроме того, в состав смысла входит индивидуальный опыт, личностные отношения индивида к предмету и возникающие отсюда ожидания, привязанности, эмоции, памятные ассоциации, которые выделяют данный предмет из множества похожих на него.

Литература

1. Гусев, С. С. Проблема понимания в философии / С. С. Гусев, Г. Л. Тульчинский. – М. : Политиздат, 1985. – 192 с.
2. Егоров, В. С. Философия открытого мира / В. С. Егоров. – М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : Издательство НПО «МОДЭК», 2002. – 320 с.
3. Лепский, В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию / В. Е. Лепский. – М. : Изд-во «Когито-Центр», 2009. – 208 с.
4. Лефевр, В. А. О самоорганизующихся и само рефлексивных системах / В. А. Лефевр // Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конференции. – М. : Академия наук СССР. – 1965. – С. 61–68.
5. Новиков, А. И. Смысл : Семь дихотомических признаков [Электронный ресурс] / А. И. Новиков. – Режим доступа: http://teneta.rinet.ru/rus/ne/novikov_smysl-sem.html.
6. Франкл, В. Человек в поисках смысла : Сборник / пер. с англ. и нем. Д. А. Леонтьева, М. П. Папуша, Е. В. Эйдмана. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
7. Хакен, Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам / Г. Хакен. – М. : Мир, 1991. – 240 с.
8. Щедровицкий, Г. П. Рефлексия и ее проблемы / Г. П. Щедровицкий // Рефлексивные процессы и управление. – 2001. – №1. – Том 1. – С. 49. http://www.reflexion.ru/Library/Journal_2001_1_rus.pdf.
9. Юлов, В. Ф. Научное мышление: монография [Электронный ресурс] / В. Ф. Юлов. – Киров : Центр гуманитарных технологий, 2007. - Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6457>.

References

1. Gusev, S. S., Tulchynskiy, G. L. (1985). Problema ponimaniia v filosofii [The problem of understanding in philosophy]. Moscow : Politizdat. [in Russian].
2. Egorov, V. S. (2002). Filosofiiia otkrytogo mira [The open-world philosophy]. Moscow : Moscow psycho-social Institute; Voronezh : Publisher SPA "MODEK" [in Russian].
3. Lepskyy, V. E. (2009). Subieektno-orientirovannyi podkhod k innovatsionnomu razvitiuu [The Subject-oriented approach to innovation development]. Moscow : Pub.h "Kohyto Senter" [in Russian].
4. Lephevr, V. A. (1965). O samoorganizuiushchikhsia i samo reflektivnykh sistemakh [About self-organizing and self-reflexing systems]. Problemy issledovaniia sistem i struktur Materialy k konferentsii - Problems of systems and structures studies. Materials for conference. – Moscow : USSR Academy of Sciences, P. 61-68 [in Russian].
5. Novikov, A. I. Smysl Sem dikhotomicheskikh priznakov [Meaning: The seven dichotomous characteristics]. Retrieved from: http://teneta.rinet.ru/rus/ne/novikov_smysl-sem.html.
6. Frankl, V. (1990). Chelovek v poiskakh smysla [Man in Search of Meaning]. Leontiev, D. A., Papusha, M. P., Aydmana, E. V. (Trans. from English. and Germ). Moscow : Progress [in Russian].
7. Hacken, G. (1991). Informatsiia i samoorganizatsiia Makroskopicheskii podkhod k slozhnym sistemam [Information and self-organization. Macroscopic approach for complex systems]. Moscow : Mir [in Russian].
8. Schedrovitskiy, G. P. (2001). Refleksiiia i ee problemy [The problems of reflection]. Refleksivnye protsessy i upravlenie - Reflection processes and management. № 1. Volume 1, P. 49. Retrieved from: http://www.reflexion.ru/Library/Journal_2001_1_rus.pdf. [in Russian].
9. Yulov, V. F. (2007). Nauchnoe myshlenie monografiia [Scientific thinking. Monograph]. Kirov : Humanitarian technology center. Retrieved from: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/6457>[in Russian].

Надійшла 17.05.2016

Бібліографічний опис для цитування :

Семикин, М. А. От культуры смысла к смыслу культуры / М. А. Семикин // Проблеми соціальної роботи: філософія, психологія, соціологія. – 2016. – № 2 (8). – С. 161-168.